

Катя Иванова

ДОМОВОЙ
ПУТЕШЕСТВЕННИК

БУНТ
В КОТЕЛЬНОЙ

Катя Иванова

Бунт в Котельной

«Автор»

2026

Иванова К.

Бунт в Котельной / К. Иванова — «Автор», 2026

Когда погасли старые печи, началась Великая Тишина. Люди перестали замечать духов, веками живших рядом с ними. Кто-то уснул. Кто-то ушёл. А кто-то остался среди новых стен — забытый, обиженный и всё ещё ждущий приглашения. Домовой-путешественник Уля помнит старые законы. Он знает, почему перед чужим порогом нужно спросить: «Могу я войти?». Знает, что добро возвращается добром. И бережёт в спичечном коробке редчайшее сокровище — Живой Огонь последнего настоящего очага. В «Изумрудных Башнях» Уля встречает Парфентия — древнего Банника, потерявшего свою баню и поселившегося в трубах современного дома. Его обида становится всё сильнее, а вместе с ней по этажам расползаются то кипятки, то ледяной холод. Но даже Живой Огонь способен лишь напомнить Парфентию о доме. Подарить ему новый дом может только человек. Сказка о памяти, благодарности и о том, что старое тепло не исчезает — пока находится кто-то, кто его помнит.

© Иванова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Умный дом и «Могу я войти?»	5
Кран, который свистит, и разговор с трубой	8
Тот, кого забыли позвать, и лёд в трубах	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Катя Иванова

Бунт в Котельной

Умный дом и «Могу я войти?»

Шшшш-шшшш.

Метель шла так, будто кто-то наверху распорол огромную перину. Снег валил на «Изумрудные Башни» стеной, и фонари ловили его в жёлтые круги света.

Город стал белым и безголосым. Прохожих не было.

У служебной двери котельной стояла маленькая фигурка в огромном худи с кошачьими ушками. Уля смотрел на тёплую щель под дверью. Оттуда тянуло живым, настоящим теплом.

Дома у Ули не было. Зато был узелок на палочке, белый шарф в три оборота вокруг шеи и правило, твёрдое, как мороз: где тепло — там ищи очаг.

Он добрался сюда за струёй тёплого воздуха и остановился на пороге.

Дальше нельзя.

Домовой не переступает чужой порог, пока не позовут. Хоть замерзай. Такой закон.

Уля сунул нос в щель и замер.

Внутри было бело. Стены, пол, потолок — всё выкрашено в ровный больничный цвет. Вдоль стен тянулись трубы, гладкие, как леденцы. На каждой блестел серебряный ярлычок. По углам — ни паутинки, ни соринки, ни забытой vareжки.

На чёрной панели мигали зелёные огоньки. Ровно. Равнодушно.

– Ну и ну, – прошептал Уля.

Хм-м-м.

За дальним котлом кто-то громко высморкался.

Уля наострил уши. Ушки на капюшоне встали торчком.

Из-за котла, кряхтя, выбрался человек. Грузный, в старом ватнике. В больших руках, навсегда испачканных мазутом, он мял кепку.

Увидел на пороге маленькую фигуру — и замер.

– Это ещё что за... Ёлки-пассатижи, – он моргнул и покачал головой. – Ты как тут? Дверь служебная, между прочим!

Он махнул рукой.

– Ну, заходи, чего в дверях торчишь! Тепло выпускаешь!

Уля не двинулся с места.

Он выпрямился во весь свой невеликий рост, поправил шарф и посмотрел человеку прямо в глаза — спокойно и серьёзно.

– Могу я войти? – спросил он.

Простые слова. Но сказаны они были так, что воздух будто дрогнул. Зелёные огоньки на панели на один удар сердца мигнули чуть теплее.

– Дык... это... – человек растерялся и почесал затылок. – Входи, конечно. Кто ж тебя гонит в такую метель.

И только теперь Уля переступил порог. Аккуратно поставил узелок у стены и отряхнул снег с капюшона.

– Благодарю, – сказал он и наклонил голову. – Без спросу нельзя.

– Чудной ты, – человек хмыкнул и нахлобучил кепку. – Родители-то где? Потерялся?

– Уля. Домовой-путешественник, – мальчишка вежливо поклонился.

– Домовой, – человек фыркнул. – Ага. А я, стало быть, водяной. Тимофеич я, сантехник здешний.

Он покосился на панель и прибавил с важностью:

– Главный по теплу.

Уля снова обвёл глазами трубы, панель, слепые датчики. Нахмурился.

– А где у вас живёт тепло? – спросил он. – Где очаг?

– Очаг! – Тимофеич усмехнулся и обвёл рукой владения. – Отстал ты, шкет. Нету теперь очагов.

– Совсем нет?

– Совсем. Тут ИТП. Тепловой пункт, – он ткнул пальцем в панель. – Теплообменники, насосы, автоматика. Хозяйство серьёзное. Вон панель видишь? Сама температуру держит. Сама давление меряет. Сама насосы гоняет.

Уля моргнул.

– А вы?

– А что я, – Тимофеич пожал плечами. – Я, считай, и не нужен почти. Сижу вот. Жду.

– Чего ждёте?

Тимофеич понизил голос и наклонился, будто делился тайной:

– Большого Дела. Настоящей аварии.

– Аварии?

– Ага, – он кивнул. – Прорвёт где или котёл встанет в мороз — вот *тогда* я себя покажу! Тогда все и поймут, кто дом держит.

Он выпрямился и нахлобучил кепку крепко, ровно.

– А пока — мелочёвка одна. Скука.

Уля молчал и смотрел на ровные зелёные огоньки. Ему делалось всё грустнее.

Тук-тук.

В дверь заглянул жилец. Заспанный, в куртке поверх домашнего.

– Тимофеич, извините, – пробормотал он. – У меня в ванной лампочка мигает и булькает что-то в трубе, спать невозможно...

– Заявку, – Тимофеич махнул рукой в сторону панели, не дослушав. – В ЖЭУ, через приложение. Разберутся в порядке очереди.

– Так может, вы гляньте, а? – жилец сделал шаг вперёд. – Две минуты всего...

– Не моё это дело — лампочки, – Тимофеич отмахнулся. – Заявку пишите.

Жилец потоптался на месте, вздохнул и ушёл.

Щёлк.

Дверь закрылась. Стало опять тихо и гулко.

Уля нахмурился. Ушки на капюшоне опустились.

– Непорядок, – сказал он негромко.

– Чего-чего? – не расслышал Тимофеич.

– Ничего, – Уля прижал узелок к себе.

Тимофеич глянул в окошко, где всё мело. Потом на часы. Потом на странного мальчишку. Совесть у него, при всём ворчании, была не ржавая.

– Ладно, – сказал он и потёр руки. – Метель вон какая. Ночуй. В углу тепло, труба греет. Только не трогай ничего — автоматика штука тонкая. Утром разберёмся, куда тебя девать.

Он потоптался, натянул ватник и пошёл к двери.

– Я домой. Смена кончилась. Тут всё одно машина сама.

Топ-топ-топ.

Шаги стихли. Уля остался один.

Он расстелил узелок в тёплом углу, сел и подтянул колени к груди. Натянул на них полы огромного худи. Стал похож на маленький чёрный треугольник с ушками, на нахохлившегося воробья.

Труба грела спину. Ровно гудело.

– Здравствуй, дом, – тихо сказал Уля в темноту. – Я Уля.

Дом не ответил.

Уля подложил под щёку конец белого шарфа и закрыл глаза. Стал слушать, как за стенами метёт метель, а внутри тихонько щёлкает вежливая, скучная тишина.

«Завтра, — подумал он, засыпая, — надо непременно навести хоть немножко порядка. Потому что тепло — это ещё не *дом*. Дом — это когда тепло кому-то нужно».

С этой доброй мыслью Уля и уснул. Свернулся калачиком под холодными зелёными огоньками. И только два кошачьих ушка торчали над воротом худи.

Кран, который свистит, и разговор с трубой

Спал Уля чутко, поэтому проснулся сразу, едва снаружи стукнула тяжёлая дверь. Бам.

Дом гудел всё так же ровно. За окошком под потолком по-прежнему мело. А по бетонным ступеням кто-то спускался вниз, в бойлерную.

Топ-топ, топ-топ.

Шаги были не Тимофеичевы. Тот ходил грузно.

Уля сел. Ушки на капюшоне встали торчком.

Дверь бойлерной приоткрылась. В ней стояли двое.

Мальчик — худенький, лет десяти, в пижаме с ракетами и расшнурованных кроссовках на босу ногу. На носу — круглые очки в толстой оправе, которые всё время сползали.

За ним, чуть позади, — девочка постарше. В куртке поверх пижамы, в наушниках. Один в ухе, другой болтался на проводе. Она держала лицо так, будто ей всё это ужасно неинтересно и она вообще мимо шла.

Но за руку мальчика держала крепко.

От обоих тепло пахло домашним какао.

– Тимофеич? – шёпотом позвал мальчик и подтолкнул очки вверх. – Вы тут?

– Нету Тимофеича, – сказала девочка себе под нос. – Говорила же — зря спустились.

– У нас кран свистит! – не сдавался мальчик. – Наверху, в ванной. Страшно так свистит.

А мама на работе задержалась, трубку не берёт. Мы пошли вас искать, а вы...

Он растерянно оглядел ряды блестящих труб.

И тут он увидел Улю.

Взрослый увидел бы просто чужого мальчишку в нелепом чёрном худи. А Витя — так звали мальчика — смотрел, смотрел, и очки его сползали всё ниже, и глаза за стёклами делались всё круглее. Потому что он был из тех, кто ещё умеет *верить*.

И он видел то, что было на самом деле. Настоящего домового. Маленького, растрёпанного, с зелёными светящимися глазами и кошачьими ушками на капюшоне.

– Ты... – выдохнул Витя. – Ты домовый?

– Уля. Домовой-путешественник, – Уля вежливо наклонил голову. – Тимофеич домой ушёл, смена кончилась.

– Витя, пойдём, – девочка потянула мальчика за рукав. – Он же...

– А что до крана — так это не страшно, – перебил Уля спокойно. – Это непорядок. Идёмте, покажете.

Девочка вынула из уха второй наушник.

– Ты сам говоришь, что домовый, – сказала она недоверчиво. – А по кранам ты чего понимаешь?

– По кранам-то? – Уля подхватил узелок и закинул на плечо. – Я, барышня, с трубами триста лет как знаком. Тебя как звать?

– Аня, – помолчав, ответила она. – Ну води уж, что ли.

Дети переглянулись — и повели.

Поднялись по холодным бетонным ступеням. Вошли в подъезд, где было теплее и пахло уже жильём. Втиснулись в лифт.

Уля лифты недолюбливал. Считал их пугливыми.

Кнопку он не нажал пальцем, а важно ткнул костяшкой. И кряхтел при этом, как старый дед.

– Ты чего кряхтишь? – не удержался Витя.

– Так триста лет, – серьёзно отозвался Уля. – В мои годы всякий кряхтит. Витя чуть не хихикнул сквозь тревогу.

Динь.

Лифт остановился на пятом этаже.

Квартира встретила их светом в прихожей. На вешалке не было маминого пальто, и от этого пустого крючка в доме будто становилось зябко.

Шшшш.

А из ванной, из-за неплотно прикрытой двери, рвался тот самый свист. Тонкий и пронзительный. Будто где-то в самой глубине труб плакал маленький испуганный чайник, которого забыли снять с огня.

Аня поёжилась.

– Вот, – сказала она тихо. – Целый вечер. Мы уж и воду закрывали, и открывали. Не помогает.

– Само не пройдёт, – согласился Уля и кивнул. – Ну, поглядим.

Но прежде всего — Уля это знал твёрдо — надо было унять не кран, а страх.

А со страхом лучше всего справляется не храбрость. А что-нибудь маленькое и вкусное, поделённое на всех.

– Прошу минутку, – сказал он важно и присел на корточки прямо в прихожей.

Он развязал узелок и достал льняной платочек с вышивкой по краю. Расстелил его на полу. Разгладил уголки ладошкой сквозь длинный рукав. Потом достал одну-единственную большую сушку-бублик и разломил её на четыре части.

– Вот тебе, – сказал он первому кусочку.

Наклонился и положил его в дальний угол прихожей, у самого плинтуса.

– А это кому? – удивился Витя.

– Дедушке-домовому, – объяснил Уля. – Тому, что за вашей квартирой ходит. В каждом доме такой живёт. За печкой ли, под полом ли. Первый кусочек всегда ему. Уважение. Он приглядит, а мы не жадные.

Аня посмотрела в угол так, будто ожидала, что оттуда кто-нибудь выглянет.

Никто не выглянул.

– А теперь нам, – Уля протянул по кусочку Вите и Ане. – Сушку нельзя есть целиком и наспех: так вся радость сразу кончится. А если по кусочку и не торопясь — радости хватит надолго. Это по-улиному.

Дети сели рядом с ним прямо на пол.

Хрусть-хрусть.

Сушка хрустела уютно, по-домашнему. И свист из ванной уже не казался таким страшным, когда во рту хрустит бублик, а рядом сидит кто-то, кто знает, что делать.

– Ну вот, – Уля доел свой кусочек и собрал крошки в ладошку. – Теперь пойдём поговорим с трубой.

– С трубой нельзя поговорить, – сказала Аня. – Это же труба.

– Со всяким можно поговорить, – отозвался Уля, поднимаясь. – Просто не всякий станет слушать.

Он прошёл в ванную.

Здесь свист был громче всего. Отдавался от кафеля, от белых стен, от зеркала. Смеситель мелко дрожал.

Уля подставил табурет и влез на него, чтобы дотянуться. Положил на трубу ладонь сквозь рукав. Постоял. Прислушался, склонив голову набок, будто труба ему что-то рассказывала.

– А-а, вон оно что, – протянул он. – В трубе пузырь застрял, где не звали, вот она и поёт.

– Какой пузырь? – Витя подтянулся на цыпочках рядом.

– Воздушный. Забрался в трубу, мечется, бедный, дороги наружу не найдёт — оттого и свистит. Сейчас выпустим.

Уля погладил тёплый металл.

– Ну тише, тише, – прошептал он. – Чего разошёлся? Сейчас...

И свист стал спадать.

Бульк.

По трубе прошла тёплая волна. Что-то глубоко булькнуло, вздохнуло — и стало спокойно.

Витя подтолкнул очки и посмотрел на Улю так, будто тот на его глазах вынул из шляпы луну.

– Ты его... уговорил, – прошептал он.

– Выпустил, – поправил Уля скромно, слезая с табурета. – Воздух — он же не злой. Просто потерялся.

Он помолчал.

– Все, кто потерялся, немножко воют. Такая уж у потерявшихся привычка.

– А ты откуда знаешь? – спросила Аня тихо.

Они перебрались в комнату. Аня укуталась в плед на диване. Витя привалился к Улиному боку, и Уля не стал отодвигаться. Хотя обычно, как он сам говорил, в чужих домах не рассиживается.

– Расскажи, – попросил Витя тихо. – Про потерявшихся.

– Про которых?

– Ну... как воздух в трубе. Кто ещё теряется?

Уля помолчал и вздохнул.

– Раньше, – начал он негромко, – в каждом тёплом углу кто-нибудь да жил. За печкой — домовой. Во дворе, при скотине — дворовой. В овине, где хлеб сушат, — оvinник. В бане у реки — банник. А в сыром закутке, бывало, и кикимора заведётся.

– Кикимора! – обрадовался Витя. – Она страшная?

– Не страшнее тебя спросонок, – фыркнул Уля. – У каждого был свой угол. Своё дело. Своё имя. А потом старые дома снесли, реки перегородили, печи погасили.

Он вздохнул.

– Углы-то и кончились.

– И куда они делись? – тихо спросила Аня.

– Кто как, – Уля пожал плечами. – Кто уснул с горя да так и спит. Кто одичал и стал людей пугать — не со зла, а от обиды, что забыли. Кто новое место себе нашёл.

– А ты? – спросил Витя.

– А я, – Уля усмехнулся, – взял узелок на плечо и пошёл искать, где ещё нужен. Потому что дом — это не стены. Дом — это когда ты кому-то *нужен*.

В комнате было тепло и тихо. Где-то далеко, за метелью, шли последние ночные автобусы.

Витя, сам не заметив как, уронил голову Уле на плечо. Очки его совсем съехали набок. Аня зевнула, подтянула плед к подбородку и тоже стала клевать носом.

– Мама скоро придёт, – сонно пробормотал Витя. – Ты не уходи, ладно?

– Не уйду далеко, – тихо пообещал Уля. – Тут, рядышком, посторожу. Спите.

Он дождался, пока оба уснут по-настоящему. Пока Витя засопит, а у Ани разгладится нахмуренный лобик.

Тогда он осторожно высвободил плечо и укрыл обоих пледом до подбородка. Снял с Вити съехавшие очки и бережно положил их на тумбочку.

На цыпочках вышел в прихожую.

У порога остановился и оглянулся на тёмную комнату, где ровно дышали двое спящих.

– Дом, – сказал он совсем тихо, покосившись на угол с сушкой, – ты за ними приглядывай.

А я посторожу снаружи.

Щёлк.

Он вышел на лестничную площадку, тихо притворив за собой дверь.

В подъезде было прохладнее. Уля сел на верхнюю ступеньку у самой двери. Подтянул колени к груди и натянул на них полы огромного худи. Стал похож на маленький чёрный треугольник с ушками, на нахохлившегося воробья.

Он сторожил. Смотрел вниз, на лестничный пролёт, туда, откуда должна была подняться мама.

За дверью, в квартире, было тихо. Ни свиста, ни воя. Только ровное дыхание дома.

Один беспорядок он сегодня всё-таки поправил. А это, если подумать, не так уж мало для одного вечера.

Но что-то не давало ему покоя.

Где-то там, глубоко под домом, в тепле труб, он чувствовал... что-то ещё. Что-то большое, обиженное и совсем-совсем дикое.

Ушки у Ули дрогнули и на мгновение прижались.

Тот, кого забыли позвать, и лёд в трубах

Уля кивнул сам себе и снова стал слушать дом.

А слушать было не так-то просто. За дверями дом дышал ровно и сонно. Но было в этом сонном дыхании что-то неладное.

И шло оно, Уля скоро понял, не сверху и не снизу. А совсем рядом — от батареи под окном на площадке.

Есть такое чувство. Сидишь в тепле, и вдруг ни с того ни с сего пробежит по спине холодок. Люди говорят: «Кто-то по могилке прошёл».

А на самом деле это где-то рядом мается потерянный дух. Тот, что от горя одичал, забыл, как быть добрым, стал колючим, как бродячий кот.

У Ули этот холодок пробежал так, что кошачьи ушки на капюшоне сами прижались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.